

ОСМОТРЕЛ первую часть фильма о Солженицыне, и стало больно за всех нас. Не могу не написать.

Пусть будут два эпитафия к моему письму.

Не судите, да не судимы будете.

Новый Завет.
Много правды есть на свете.
Она в каждом человеке.
Каждый думает о ней.
Каждый думает, что он
Всех правдивей и честней.

Правда каждого человека, причем искренняя его правда, определяется его преобладающей сущностью.

Кого и в каких случаях мы должны сами себе позволить осуждать? Как в Новом Завете уже сказано — никого. Никого потому, что слабы умом и духом. Но именно поэтому мы и не в силах остановить в себе ни всеотрицание, ни всеосуждение. Хотя в Новом Завете сказано: «Ваши слова «да», «да», «нет», «нет», а остальное от лукавого». Но душа не терпит.

Можем ли мы осуждать человека за то, что он работает трактористом, а не учителем, так как работа тракториста ему больше нравится? А нравится именно потому, что, будучи трактористом, он среди лучших, а если бы он стал учителем, он был бы среди худших?

Можем ли мы осуждать человека за то, что он свои действия, как он искренне думает, направляет во благо своего народа?

Ленин прекраснейшим образом знал марксизм и верил, что именно марксизм прокладывает путь к процветанию его народа (т. е. нас). Работа адвокатом и проба революционной работы в университете, его уверенность в собственных волевых и интеллектуальных силах, выражающаяся в его уверенности найти выход из любой тупиковой ситуации, дали ему право думать, что он свой народ может прямо, перепрыгнув через воспитание его капитализмом, привести в светлое будущее — коммунизм почти за бесконечно малый промежуток времени в истории, равный длине человеческой жизни. Марксизм, интеллектуальная, волевая уверенность и желание блага для большинства — это и есть преобладающая сущность Ленина.

Какой гигантский и прекраснейший замысел! Многие из нас имеют замыслы почти такие же. Но кто из нас сделал для их осуществления хотя бы один шаг? Есть среди нас и такие, и они самая лучшая часть из нас. Почему же мы их действия сейчас не осуждаем, хотя бы они вели нас в ту же пропасть? А не осуждаем мы их и не останавливаем потому, что их действия отвечают нашим сегодняшним чаяниям и надеждам, как в свое время действия Ленина отвечали чаяниям и надеждам большинства его современников. И тому подтверждение — победа большевиков. Не в разгоне Учредительного собрания, а победа в гражданской войне, где каждый из наших предков добровольно для себя решил, по какую сторону баррикады ему быть.

Конечно, как тогда, так и сегодня были и есть люди, которые видят, что наши лидеры ведут нас в очередное болото. Но мы их, критиков, не понимаем, и поэтому за ними не идем, а идем за теми, кого понимаем, правда которых соответствует нашей правде. И вот именно они и ведут нас в очередное болото. И это правильно. Нам обязательно, выбравшись из сегодняшнего болота, надо побывать в следующем, так как мы не можем в наших мыслях и мифах преодолеть стереотипы и комплексы. Так можем ли мы осуждать Ленина? А тот, кто действительно был выше тогда или сейчас, Ленина умом и духом, тот смог и сможет его понять без осуждения.

Александр Исаевич прежде всего человек большой чистоты духа. И, исходя из этой преобладающей своей сущности, он требует покаяния нации, т. е. нас всех и каждого в отдельности. В силу того, что он сам чист и велик духом, он чувствует (так же, как и Ленин чувствовал), что он бы справился с этой задачей — с задачей собственного публичного покаяния, если бы он был, как мы, виновен. Для него это почти так же просто, как и правильно: если совершил грех, то самое лучшее средство избавиться от него — это покаяться. А чтобы очиститься от греха полностью — покаяться публично. Это его правда. Причем правда такая же, как правда слабого человека: согрешил — покайся про себя. А правда еще более слабого человека: согрешил

— согрешил для того, чтобы скрыть свой грех. Можем ли мы требовать для всех одного покаяния — для всех одной правды, которая будет противостоятелем очень многим? Не будет ли это очередным насилием? Ведь даже Бог в своем Ветхом Завете, учитывая нашу душевную нищету, говорит: «Зуб за зуб, глаз за глаз». А когда мы подростли в духе, в Новом Завете сказал: «Тебя ударили по одной щеке — подставь другую».

Но чистота, она и есть чистота, а в сочетании с ее естественной спутницей искренностью она одаривает душевно, кто хоть как-то с ней соприкоснулся. У меня бы не было порыва написать это письмо, не посмотри я фильм. Меня глубоко тронул боль и искренность в размышлениях Александра Исаевича о России и о нас.

У Ленина было желание дать благо своему народу и была идея, а на основе ее — программа, как нужно идти ко всеобщему благу. Нужно было донести эту идею до народа и решить бесконечное множество бесконечно сложных задач. Но действия Ленина всегда были в согласии с его мыслями, а это давало силы, уверенность такой величины, что все преграды ему были ничтожны.

Все абсолютно по-другому у Михаила Сергеевича. Народ страны 70 лет воспитывался на основе самой совершенной (с точки зрения большинства населения), логичной и научной марксистской системы. Методами воспитания были обучение каждого с пеленок до гробовой доски, премии, продвижение по службе, сажание в тюрьму и регулярный отстрел. Я до 1982 года,

тировал в йогу. Причем, чем тоньше человек, чем выше его интеллект, тем пагубнее последствия дисгармонии мысли и действия.

Я уверен, что Горбачев на политбюро при обсуждении проблемы «Бонига-747» действительно «агрессивно выступал, требуя немедленной идеологической акции против капиталистического Запада», как это написано в «Известиях», а думал совсем другое в тот момент. И я его за это не осуждаю. Я его не осуждаю и за то, что народ, одурманенный идеологией, он осознанно вел к демократии и капитализму, одевая все это движение своей «болтовней» в какую-то непонятную «перестройку» при полном отсутствии официально признанной программы. Да скажи он нам, народу, тогда правду, покажи программу — от него, в лучшем

Сов. Татария - Казань - 1992 - 26 сент. - с. 10

СОЛЖЕНИЦЫН:

ПОКАЯНИЕ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Каких только писем не приносит нам читательская почта — ничему уже не удивляешься, по это, пришедшее из Набережных Челнов, выделяется явно. Оно привлекает, притягивает внимание своей исповедальностью, мировоззренческим духом, душевной открытостью, своеобразным видением прошлого и сегодняшнего дня. И хотя с автором хочется спорить, говорить о его ошибках, тем не менее письмо

так и просится на газетные страницы как еще одно свидетельство нашей эпохи. Что это — пророчество? Заблуждение? То и другое вместе? Пусть рассудят читатели. Мы публикуем письмо без какой-либо сущностной правки, практически в том виде, в каком оно поступило в редакцию «Советской Татарии». Помимо нашей газеты автор адресовал свое письмо также в «Известия» и «Комсомольскую правду».

Но я вынужден написать о своем несогласии с некоторыми выводами и рекомендациями Александра Исаевича, хотя не отрицаю необходимости и красоты его правды, как не отрицаю любую искреннюю правду любого другого человека. Если бы Александр Исаевич был простым человеком, я, как и раньше, не взялся бы за перо. Но спросите на улицах бывшего СССР — кто самый лучший скульптор и кто самый известный и лучший писатель из бывшего СССР? И вам 80 процентов ответят: Эрнст Неизвестный и Солженицын. У них хватило мужества противостоять тоталитарной системе, которая подавляла в каждом из нас то, что в нас было индивидуального. И сейчас мы воздаем, как можем, каждому, кто помогал стать нам людьми. И именно поэтому, Александр Исаевич, эти 80 процентов безоговорочно верят Вам и готовы выполнять Ваши предначертания. И если Вы, Александр Исаевич, готовы внутренне для себя признать то, что и Вы можете ошибаться, то Вы должны понять, насколько осторожно Вы должны быть в своих высказываниях и суждениях.

Меня просто потрясли некоторые отрицательные суждения Александра Исаевича только из-за того, что очень многие это могут принять как программу к действию. Это прежде всего суждения о Горбачеве, партократе, да и о финансовых акулах. Мне всегда тяжело, когда в печати грязной пяткой в лицо бьют Горбачева, Александр Исаевич как-то походя лягунул Горбачева, определив всю его деятельность словами «Горбачев болтал...». От удара грязной пяткой можно отмахнуться, но от Вашего удара, Александр Исаевич, не увернешься.

Чем чище человек, тем он точнее и сильнее, и поэтому, чем чище человек, тем больше греха в его необузданности. Чем чище человек, тем осторожнее он должен быть. Но, к сожалению, нам всем не хватает понимания, любви и терпения. Так, как было тяжело Горбачеву М. С., не было, наверное, никому из руководителей всех стран и народов во всей истории человечества (мое личное субъективное мнение).

Ему было даже тяжелее, чем Ле-

то есть до 35 лет, обладая двумя высшими образованиями — техническим и экономическим, был абсолютно уверен в верности марксистско-ленинской теории. Были у меня два момента сомнения. Первый — когда после окончания школы меня пытались задержать в колхозе, не выдавая паспорта, в 1965 году. Второй — это в 1966 году, когда на семинаре по политэкономии меня посетила мысль, что социализм — это есть государственно-монополистическая система. Первое сомнение я преодолел сам тем, что поступил в институт и в райисполком собственным напором убедил работников в том, что мне необходимо выдать паспорт. Если бы мне в 16 лет не выдали паспорт, то, в лучшем случае, сидеть бы мне в лагерях. Но мне выдали, и во мне появилась уверенность в своих интеллектуальных и пробивных силах. Второй момент был преодолен преподавателем политэкономии, убедившим меня в том, что я чего-то там в политэкономии не понимаю. С этого момента вплоть до 1982 года я был абсолютно уверен в м. л. системе, признавая наличие конкретных недостатков в построении социализма, которые, приложив определенные усилия интеллектуалы, можно преодолеть.

В 1982 году я для себя нашел ошибку в рассуждениях Маркса, но в то время я уже «знал» жизнь. Я знал, что мне не создать партии и не совершить возврата к старому. Я знал, что мои первые шаги будут пресечены. Именно тогда я потерял партбилет, не преднамеренно, а случайно — закономерно. Это, наверное, был знак судьбы. Я снова написал заявление о приеме в партию, хотя уже не верил в ее идеалы. Я написал заявление в партию потому, что я мог бы потерять любимую работу, потерять перспективу и не выполнить своих обязанностей перед семьей. Могу ли я сейчас каяться и осуждать себя за этот поступок? Едва ли. Покаяться — это значит заречься от аналогичного греха в будущем. Могу ли я быть уверенным в том, что я не совершу сейчас еще больший грех? К сожалению, нет. Жить, имея одни мысли, а делать другое дело, — это страшнейшее наказание. Я выжил, думаю, только потому, что все свои цели переориентировал

на газетные страницы как еще одно свидетельство нашей эпохи. Что это — пророчество? Заблуждение? То и другое вместе? Пусть рассудят читатели. Мы публикуем письмо без какой-либо сущностной правки, практически в том виде, в каком оно поступило в редакцию «Советской Татарии». Помимо нашей газеты автор адресовал свое письмо также в «Известия» и «Комсомольскую правду».

Он, как и Вы (А. И.), кстати, не хотел прыгать с «утеса тоталитаризма» в демократию, а тоже хотел шаг за шагом, осторожно спускаться с него. Но именно это и погубило его. У него, видно, не хватило сил для насилия и спровоцировавшей его лжи. Запас сил, видно, кончился. А тихо спускаться, как Вы понимаете, было невозможно без насилия и, соответственно, лжи. Посмотрите на Китай. У него (М. С.) никогда не было возможности сочетать свои слова и поступки. В этом его величайшая трагедия. Я прошу не быть ему ни плахой, ни топором. Только такой, как Горбачев, и никто иной, и такие, как Вы (но Вы несопоставимо в меньшей степени) смогли нас вытащить из 70-летнего болота. Спасибо Вам за это огромное, и в первую очередь Горбачеву М. С.

Теперь о партократах. Ведь Вам известно, что человек может подчиниться другому человеку сам, если этот другой будет превосходить первого умом, волей, образованием, но прежде всего в наш период волей. А воля — это очень близкое понятие к понятию дух. Т. е. если взять лояльно настроенное большинство граждан, то они, с точки зрения создания системы управления, представляют собой иерархическую пирамиду, имеющую как закон своего построения структурную основу такую, как воля или дух, которые скачком никто (кроме Христа) изменить не в состоянии. В вершине этой пирамиды до перестройки находились партократы. Другими они быть не могли, кроме таких, как Александр Исаевич, но таких народ не понимал.

Эти партократы что то создавали. А такие, как Вы, Александр Исаевич, в силу обстоятельств, от Вас не зависящих, были критиками, но не создателями. Произошла перестройка. Таких, как Вы, в вершине пирамиды было мало (переболели, перестреляли, сделали психами), и поэтому свое законное место заняли партократы. Других просто нет. Кое-где к руководству пришли такие, как Вы. Но такие,

как Вы (это не Ваша вина, а Ваша беда), создавать не могли, так как создавать — это не критиковать. Поэтому большинство критикующей интеллигенции на своих постах не задержалось (примеры тому Грузия — Гамсатурдиа, Чехословакия — Гавел). Остались партократы. В чем же их вина? Вина их в том, что они не знают, что такое капитализм и методы работы в нем. Их этому просто не учили, и они этого никогда не видели и еще не видят. А собственных знаний нет.

Вина их в том, что они владеют только социалистическими методами управления. Это не их вина, это наша беда. Но беда временная. Это беда — беда одного поколения, т. е. 20 лет. Там дальше будут другие беды. Отстраняя партократов от управления, мы повторим ошибку 17-го года — потеряем пусть плохих, но самых лучших среди нас управленцев. А для того, чтобы создать хотя бы одного управленца, нужны годы. Они наш золотой фонд, так как они единственные наши соотечественники, которые могут что-то создать. Неужели мы еще не поняли, что государством править кухарки не могут?

Мне не обидно за финансовых акул, потому что они выжили, как бы их ни травлили и ни убивали, но это не значит, что к ним надо так безобразно относиться, как все мы сейчас к ним относимся. Чтобы объяснить их действия, понять, а значит, и не обвинять, недостаточно 2—3 страниц. Мне это не удастся. Мне в этом письме, думаю, удастся показать хотя бы на одном моменте то, что страна и весь народ очень нуждаются в этих финансовых акулах. Предположим самый худший вариант из всех возможных, что эти акулы порождены самым темным слоем подпольного бизнеса — бизнеса рэкетиров. На определенном этапе своего финансового роста наступают неуправляемость капитала. Становится очень трудно его сохранить, и вот с этого момента этот рэкетир — самый сильный из рэкетиров — становится самым ярым сторонником законности, сторонником как создания, так и соблюдения законов, гарантирующих сохранение собственности.

Сейчас таких сторонников, к сожалению, пока нет. Ничего всегда больше склонна к воровству, у нее больше моральных оправданий этому греху. История знает примеры, когда разбойники, став во главе государства, создавали мощные, экономически крепкие государства. Это не говорит о том, что я сторонник того, чтобы разбойников ставить во главе государства. Я просто хотел сказать, что жизнь сама расставит все по своим местам. Это только со стороны кажется, что у нас все грязно и отвратительно. Это только от непонимания происходящего, вызванного долгим отсутствием.

Со стороны все, что у нас происходит, кажется парадоксальным, как, например, такое явление. Лучшими лингвистами мира создан самый правильный и красивый язык эсперанто. Красивый ли, раз мертвый? Есть всеик — смесь языков одного из княжеств Индии и английского (простой английский). Это гремучая смесь, созданная безграмотными в лингвистическом плане людьми, но он живой. На нем разговаривают. Где здесь красота? Что правильно? Что неправильно? Где промысел Божий?

В своем отечестве пророков нет. А если они появляются, то мы их уничтожаем или, в лучшем случае, выгоняем. Выгнав, когда он уже не наш, мы начинаем ему верить, буквально каждому его слову. А он уже оторван от корня. Он уже в силу удаленности ошибается. Он, как и всякий из нас, имеет право на ошибку. А мы ведь страна дураков, еще больше верим не только каждому слову, но и каждой букве и верим часто только ему одному. Даже господь Бог в зависимости от нашего духовного роста дал нам разных учителей — Моисея, Мохаммеда, Лао-Цзы, Конфуция, Кришну, Будду, Иисуса Христа, у которых, казалось бы, разные учения.

Но даже такие учителя учили только тот народ, среди которого жили и чаяния которого были у них на глазах.

Александр Исаевич, пусть будет это письмо Вам не в обиду, помните нас, дураков. Я вместе со всем народом Вас искренне люблю. С глубоким уважением и любовью Ю. МАРКЕЛОВ.

Сов. Татария - Казань - 1992 - 26 сент. - с. 10